

Пепеляев Александр
(рук. Театра "Кинетик")

27.12.01

Ведущий Владимир КОТЫХОВ

Тел. 250-72-72

ФУЭТЕ №43

ИНДУСТРИАЛЬНОЕ ТЕЛО

Что такое современный танец в России? Пессимист скажет, что он наполовину мертв, оптимист — наполовину жив. Месяцами в столице не увидишь никаких танц-современников, но вдруг со всего отечества съезжаются разные труппы и начинаются теловыкрутасы по полной программе. Так, на днях прошел Всероссийский фестиваль театров танца "ЦЕХ", организованный одним из старожилов российского андеграунда, руководителем Театра "Кинетик" Александром ПЕПЕЛЯЕВЫМ.

— Саша, современный танец, или, как его еще называют, танц-модерн — он существует в действительности или это все игра воображения?

— Некоторый налет виртуальности, конечно, есть. У нас официально современный танец признан пока только фестивалем "Золотая маска". Но той среды, что есть у драматического театра, у танц-театра нет.

— Но это "пока" длится уже лет десять — не кажется ли вам, что это несколько странно?

— Нет, поскольку ситуация все же меняется. Десять лет назад я такой фестиваль организовать не смог бы. И это говорит не только о моей личной заинтересованности, но и об интересе зрителей. Все наши фестивальные показы проходят при переполненных залах.

— При том, что зал вмещает человек двести. Это вы называете интересом?..

— Я уверен, что тех, кого влечет современный танец, гораздо больше. Но, конечно, стадион собрать мы не сможем. Поскольку театр танца обращен не к массе, не к толпе, а к индивидуальности.

— А почему вас всегда тянет в подвал, в какие-то подземелья? И не привлекает большая, светлая, академическая сцена?

— Не только в подвал. Много фестивалей проходит в конюшнях, казармах, хлебопекарнях, на телефонных станциях... Я играл спектакли и в академических залах, но самые яркие впечатления все же связаны с неожиданными сценическими пространствами.

Однажды это был трюм корабля с фантастической атмосферой: низкий потолок, тесное помещение, все такое замкнутое, стиснутое. Я сажился на велосипед, крутил педали, а в это время двое матросов вытягивали меня при помощи лебедки через крышу трюма. Создавалось впечатление, будто я улетаю. Помню спектакль, который мы играли в одном из старинных московских двориков. Это была непрерывная художественная акция, во время которой выступали поэты, музыканты, певцы... Вся прелесть показа, а дело происходило летом, заключалась в том, что спектакль начинался при свете дня, но постепенно опускались сумерки, включался театральный свет. Во всем этом была некая мистика. А что вы скажете о спектакле, который проходит в заброшенном корабельном доке? Зрители сидят в конце дока, а в финале док открывается и заполняется морской водой, она бурлит, валит, пенится и останавливается буквально в нескольких метрах от зрителей. Этот фантастический трюк устроил голландский театр "Догрупп".

Это естественное желание современного танца — уйти от академического пространства, — но особенно оно просматривается у нас. Ведь большинство отечественных театральных залов было построено в советское время, они идеологически загроужены и, наверное, никогда не избавятся от этой загроужки. В них витает дух несвободы, а потом, они очень большие. А ведь современный танец отличается персональностью высказывания, он обращен к небольшому числу зрителей, когда возможно общение глаза в глаза. Поэтому и хочется найти не только свой стиль высказывания, но и свое неизбитое пространство для общения со зрителем.

— В беседе с руководителем "Класса экспрессивной пластики" Геннадием Абрамовым я спросил Геннадия Михайловича, как он работает с телом танцовщика, что делает, чтобы держать и свое тело в форме. На что Абрамов мне ответил, что специально думать о теле не надо, а следует заботиться о душе. Я ему — тело, а он мне — душа, душа, душа... После интервью в редакцию позвонила одна читательница и поинтересовалась: а когда утром она готовит завтрак, ей о чем думать: о завтраке или о душе?..

ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО

— О теле, конечно, думать нужно. У нас на фестивале проходили показы инсталляций московской художницы Алены Романовой, которым она дала название "Индустриальное тело". Это скульптурные композиции, сделанные из обычной металлической сетки, а смотрятся и как греческий барельеф, и как компьютерная графика. Если же говорить о театре танца, то он отличается от драматического именно своей ярко выраженной телесностью. Телесность позволяет говорить о сложных, трепетных, поэтических материях, о чем словами не скажешь. Жест, танец, движение — более информативны и насыщены. Если вспомнить фильмы с участием Шварценеггера, то в них диалогов всего ничего, но все заполнено движением: проходы, пробежки, броски, драки... Тело — фантастический инструмент для передачи внутреннего состояния человека, его душевных переживаний.

У Татьяны Багановой как-то спросили, о каких танцовщиках она мечтает, на что Татьяна ответила: "О мыслящих". Ведь телом можно и мыслить. И сейчас во многих западных труппах очень сильно увлечение интеллектуальным телом. На мой взгляд, наш "ЦЕХ" — это своего рода завод по производству мыслей с помощью тела. Но, конечно, это тело нужно тренировать.

— И как вы его тренируете, с какими педагогами? Ваш класс отличается от экзерсиса балетного артиста?

— Да. В современном танце путь совершенствования тела — скорее "биологический", чем "химический". Тело тренируется не насильно, как в балете. К тому же техник в современном танце бесконечное множество. Их столько же, сколько и педагогов, что совпадает с самой идеей современного танца, с персональностью его высказывания.

— Есть мнение, что в современный танец идут те, у кого жизнь профессионально не сложилась в балете, в балетных танцах или гимнастике. То есть современный танец — пристани-

ще неудачников?..

— Чтобы у нас в стране заниматься современным танцем, надо быть или безумным энтузиастом, или сыном миллионера. Нам негде себя показывать: нет фестивалей, нет постоянного зрителя, нет своей среды. Ничего нет, но танец — есть. А определить: кто чего стоит, удачник или неудачник, возможно, лишь находясь в той реальности, о которой мы уже говорили. Она существует за рубежом, где мы принимаем участие в фестивалях, выступаем с гастрольями и живем за счет зарубежных гастрольных денег.

— А чем объяснить, что в современном танце очень много обнаженного тела, но оно какое-то монашеское, лишенное сексуальной притягательности?

— Не везде: скажем, в Соединенных Штатах много "горячего" танца, у нас — меньше. Это сопротивление той танцевальной гинекологии, которая царит на отечественной эстраде. Обратная реакция: не хочется, чтобы современный танец напоминал глянцевою обложку журнала.

— Я смотрю на ваши руки — и вижу не руки танцовщика...

— И тем более — художественного руководителя фестиваля...

— А грубые, все в ссадинах: руки рабочего.

— Наш фестиваль — малобюджетный, поэтому приходится все делать самим, и очень часто — своими руками. К тому же мне нравится за все хвататься, быть чернорабочим, хотя, может быть, это и неправильно. Показы проходили в Театре Наций, в старинном здании, с удивительной средой: кирпич, металлические конструкции, паутина времени, — и мне доставляло огромное удовольствие ползать по сцене и за кулисами, изучать, рассматривать старые конструкции, что-то к ним привязывать, приделывать, сочинять. И наслаждаться тем мгновением, когда вдруг бесформенная груда железа, дерева, веревок складывается в фантастическую театральную конструкцию.

— Как давно вы были на балетном спектакле?

— Года два назад, когда танцевали мои друзья.

— А так, чтобы не дружить, а по зову сердца, посмотреть "Лебединое"? Красота нечеловеческая, принц, Одетта, белые пачки...

— Я столько видел "Лебединых озер" — и в мужском, и в женском исполнении, классических и авангардных... — нет, не хочется. Но мне нравится смотреть балетный класс. Вообще искусство классического танца — гармоничное искусство, но вот его драматургия мне кажется устаревшей, далекой от нашей сегодняшней интеллектуальной действительности. Мне иногда говорят, что я пытаюсь что-то делать в пику балету. Но у меня нет никакой пики за пазухой и никаких претензий к балетному спектаклю. Просто то, чем занимаюсь я и многие мои коллеги в России, мне кажется намного интереснее балетного представления.

АЛЕНА МИХАЙЛОВА

АЛЕКСЕЙ МАШИШЕВ